

Андрей Рубанов

Нить

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66590202

SelfPub; 2023

Аннотация

Неспешная дорога и одиночество. Старая хижина в глуши. И я, уставший путник.

Андрей Рубанов

Нить

В одной моей руке была маленькая фарфоровая чашечка. В другой – маленькое фарфоровое блюдце. Я сидел за небольшим столом, который был покрыт кружевной скатертью. А передо мной с такой же маленькой чашечкой и блюдцем сидела дряхлая старуха. Тремор ее рук заставлял фарфор мелкой дрожью биться друг об друга. Она, не моргая, сверлила меня своими блеклыми глазами. Ее длинная шаль свисала вниз, касаясь дощатого пола. На самом полу между шкафов вдоль стен стояла всевозможная утварь. Бадьи, ведра, стулья, накрытые грубой тканью аморфные предметы. А на стене неспеша, но нагнетая атмосферу, тикал маятник часов. Свет из расположенных у потолка окон с трудом раздвигал душный пыльный воздух. Он идеально прямыми линиями ложился на поверхность стола, на который были гостеприимно поставлены печенье и конфеты. Старуха в нетерпении поморщила свой острый бородавочный нос. Я решил освободить руки от столь заботливо налитого мне чая, но как только чашка беззвучно коснулась стола, старуха оскорбленно кашлянула. Я сразу поднял чашку с блюдцем назад, и после секундного смущения сделал приличный глоток. Он тут же обжег мне язык и горло. Я поморщился. Затем, сделав глубокий вдох, и втянув в себя тяжелый воздух,

я наконец начал.

Это было несколько лет назад. Я тогда только закончил университет, в котором проучился четыре года. В умах людей устоялось, что универские годы – самое счастливое и веселое время. Но, однако, вместе с весельем рука об руку следует ужасный стресс. А если еще и учиться так, как учился я: с нескончаемыми долгами за предметы, которые как надоедливые насекомые жужжат над ухом, не позволяя полностью расслабиться и наслаждаться жизнью...

Момент, когда мои мозги освободятся от мыслей о дипломе. Ох, как его ждал. К тому же, в последнее время я все чаще возвращался в воспоминания о горных тропах Алтая. Там не было этих рутинных «важных» забот. Не нужно было придумывать грандиозные планы на завтра, или даже вспоминать свои горькие неудачи прошлого. Там была только извивающаяся влево-вправо и вверх-вниз дорога. И она замещала все существенные проблемы несущественным горными вершинами, уходящими в кроны облаков. Переходя шумные горные ручьи, порой теряя небо за густыми шапками деревьев, или подыскивая ровное место для палатки, я все дальше убежал от жужжащих над ухом «насекомых».

И вот этот момент. Я свободен. Мне нужно развеять накопившийся стресс, и я собираю рюкзак. В прошлый раз я был на Алтае с небольшой группой знакомых. Но в этот раз у меня не было сил даже говорить с людьми, чтобы пойти не

одному. К тому же, затем пришлось бы мириться с их обществом в пути.

В моем кармане была довольно скромная сумма, которой хватало лишь на рейсовый автобус туда и обратно и на двухнедельную провизию. Какие-либо дополнительные затраты, вроде ночи на туристической базе, я бы не осилил. Но это меня не остановило. Рюкзак собран, и я выдвигаюсь в путь, не сказав никому ни слова. Я хочу, чтобы был только я и тропа впереди.

Почти сутки в пути. Я проехал Горно-Алтайск, и дальше по Чуйскому тракту, что ведет на юго-восток, в Монголию. Поворот с Чуйского тракта и еще несколько часов по щебневой дороге. Мелкие камни градом бились о борта автобуса, но водитель не сбавлял скорости и мчался вперед, как мне казалось, слишком быстро. Алтайские села проносились одно за другим, и вот, наконец, моя остановка. Небольшое село Тюнгур, конец дороги. Здесь в бушующую Катунь впадает горная речка Кучерла, которая берет свое начало из бирюзового горного озера у подножья Белухи. Это озеро и было моей целью.

В эти две недели случилось много странных и сложно объяснимых вещей. Но я хотел бы рассказать лишь про одну из них. Порою разум играет с человеком странные и страшные шутки. Особенно, когда человек один. Вы часто замечаете, как падает что-нибудь в квартире без вашего воздействия? И ладно, когда у вас дома есть кот или ребенок, на которо-

го можно списать необъяснимую активность неподвижных предметов. Но пока вы одни в пустой квартире, а где-нибудь в другой комнате падает, к примеру, книга – это совсем другое. Ваш разум судорожно начинает защищаться от навязчивых липких мыслей, что на самом-то деле вы здесь не одни. Но вы включаете музыку погромче, смотрите смешные картинки в экране монитора, и эти мысли начинают постепенно растворяться, как утренний туман под легкими порывами ветра.

Если вы думаете, что вне помещений все по-другому, вы ошибаетесь. Вы также одни, но только не в замкнутом пространстве в несколько десятков квадратных метров, а на бесконечном просторе, где нет цивилизации. И здесь у вашего разума будет намного больше возможностей напугать вас. Местность меняется, за спиной остаются разветвляющиеся ручьи, огромные, сорвавшиеся со скал валуны, причудливых изгибов деревья, склоняющиеся под ударами ветра. И густая, высокая трава. Днем она не вызывает особого беспокойства. Ведь у вас есть глаза, и, если вам показалось, что она шевельнулась как-то не так, вы можете посмотреть и убедиться, что там ничего нет. Это лишь ветер балуется с кончиками травинки. Шутит над вами. Шуршит своим тихим смехом, когда вы с опаской оглядываетесь назад. Знает, что вы здесь одни, и никто не видит, что там творится у вас за спиной.

А теперь представьте, что вы не можете отчетливо видеть,

что там, за высокой травой. Днем вы идете, ваше зрение размывается от физической нагрузки, перед вами безостановочно меняющаяся акварельная картина. Краски размыты и перемешаны, вам нужно напрячь глаза, чтобы вернуть зрению четкость. Но ведь это не сработает ночью. Ночью безобидные заросли высокой травы слишком часто принимают угрожающие очертания. Вы можете успокаивать себя, что это простая парейдолия, что это результат эволюции – во всем видеть опасность, видеть угрозу в длинных тенях, оставленных вашим фонариком. Но здесь у вас нет экрана со смешными картинками и музыки, что отвлекает мысли. Ночью шатающиеся, изгибающиеся тени по краям тропы сменяют одна другую, оставаясь у вас за спиной. Вы будете останавливаться каждый шаг, чтобы взглянуть назад, осветить фонарем, приглядеться и убедиться, что это всего лишь тени?

Поэтому, из-за такой фантомной опасности туристы и не ходят ночью. Пусть до хорошего стояночного места остается пара часов, но когда начинает темнеть, а в горах начинает темнеть рано, то следует разбивать лагерь.

Это был четвертый или пятый день пути. Я уже успел забыть обо всех проблемах, которые остались в городе. Было начало лета, и я шел по прохладному, не до конца прогретому солнцем лесу. Я останавливался у горных ручьев с ледяной, студеной водой, чтобы наполнить флягу. Я садился под широкими стволами деревьев, прислонялся к ним спиной. Нежные кроны деревьев заботливо защищали меня своей те-

нюю в знойный полдень. Я давал мышцам отдохнуть, пока сидел с книгой в руке под убаюкивающий шелест листьев и шум бегущей воды. Затем я вставал, закидывал книгу в рюкзак, рюкзак на спину, и шел дальше. В этот день я надеялся уже дойти до Кучерлинского озера и провести там несколько дней. Может быть даже пообщаться с людьми. Хотя я и устал от повседневного общения в городе, но отсутствие общения в принципе мало кто может выдержать. И так как по дороге мне попалось всего три человека, с которыми я обмолвился только приветствием, то добраться до озера мне хотелось побыстрее. В моей голове крутились воспоминания об этом месте, где бирюзовый поток ручья протягивает свою кисть, и наконец касается такого же бирюзового цвета озера.

Я шел быстрым темпом, но солнце уже начало заходить за снежные вершины, и лес постепенно стал погружаться во тьму. Как бы мне не хотелось дойти именно сегодня, но я все же решил искать место для палатки, а на утро добраться до цели. Сегодня я шел дольше обычного и мои силы были на исходе. Поэтому я очень обрадовался, хоть и удивился, когда в темнеющей чаще леса мне на глаза попался маленький, едва приметный домик. Удивился, потому что в прошлый раз, когда я здесь был, его не было. Хотя, с другой стороны, я здесь был довольно давно, поэтому почти сразу забыл о своем удивлении. Домик стоял на краю холма. Он был настолько маленький, что в нем бы поместилось всего две кровати, с одной и другой стороны. Деревья стояли к нему очень близ-

ко, почти касаясь толстыми ветвями крыши. Он бы сложен из плохо подогнанных друг к другу бревен, между которыми почти свободно гулял ветер.

Я подошел к нему и осторожно потянул за проржавевшую кривую ручку. Она качнулась на гвоздях, что были наполовину выкорчеваны из древесины. Петли прожевали между собой ржавую крошку, скрипнули, дверь открылась. Я заглянул внутрь. Было сразу видно, что за этим домиком давно никто не следил. Некоторые бревна стен прогнили, хоть особо широкие зазоры и были залатаны каким-то сочетанием синтетической ваты и грубой ткани. В углу стояла такая же проржавевшая печка. Я открыл ее дверцу, внутри была только мокрая зола. В окнах, где когда-то были стекла, заунывно пел ветер. Оконный проем кем-то был заделан полиэтиленом, приклеен скотчем. Но большая часть этого полиэтилена отклеилась, и рывками поднималась от порывов воздуха. Как я и подумал, слева и справа стояли грубо сколоченные нары. Досок на полу не было, лишь влажная земля. Пусть не пятизвездочный отель, но зато мне не нужно было ставить палатку. Что очень кстати. Ведь под конец дня я сильно устал.

Я расстелил свой спальник на нарах, поставил рюкзак возле них. Я подошел к двери, чтобы ее закрыть. Но на ней не было никакого замка. Лишь хлипкий, прибитый к двери кусочек холщового ремня с дыркой, крепящийся на маленький гвоздик на косяке. Я пожал плечами, и нацепил это чудо инженерной мысли на гвоздь. Дверь неплотно прилегала

к косяку, но выполняла свою основную цель – защищала от сильных порывов ветра. К тому же по ее краям была приделана непонятно чем набитая полоска спрессованной кожи. Я лег в спальник и взял в руки книгу. Вроде, это было что-то из Герберта Уэллса. Внутри этого домика не так сильно был слышен шелест листвы, а шума воды совсем не было. Ведь ручей был далеко. Зато было слышно завывание ветра.

Он невидимой рекой скользил под дверь, выходя в свободный проем окна. Он был то сильнее, то слабее, и давал об этом понять своим протяжным «вууу-у-у-у-у». Порой он почти переходил на крик, когда с особой силой ударялся о стены дома. Он пытался громко хлопать неплотно прилегавшей дверь, но мягкая кожаная полоса спасала меня от этого. Я бы мог развести огонь в проржавевшей печке, чтобы он успокаивал меня своим потрескиванием, но был слишком уставшим для этого. Поэтому я лежал и слушал это заунывное «вууу-у-у-у-у» под аккомпанементы изредка стучащих о крышу веток. Иногда ветер так сильно нагибал рядом стоящее дерево, что оно прижимало свои ветви сильно вниз и заглядывало ими в проем окна. И каждый раз это привлекало мое внимание. Я отрывал глаза от книги и пытался понять сквозь сгустившуюся темноту, был ли это силуэт нагнувшегося дерева, или нет.

Постепенно я все же окунулся в беспокойный полусон. Завывание ветра иногда на долю секунды выдергивало меня из него. Но затем я погружался обратно, все глубже и глубже.

Что мне снилось я не помню, но мой сон снова прервался подергиванием двери. Как мне показалось, это опять был ветер. Вначале я был спокоен, но потом обратил внимание, что дверь рвется не в такт голосу ветра. Будто ее кто-то дергал с той стороны. Я моментально проснулся. Я вскочил на ноги быстро, но тихо, и замер. Я стоял и смотрел, как дверь прыгает на этом хлипком ремешке, а гвоздь чуть гнется с каждым рывком. Я судорожно думал, кто это может быть. Какой-нибудь путник? Но сейчас стояла глубокая ночь, и в это время уже НИКТО не ходит по туристическим тропам. Может быть животное? Но толчки были слишком осознанные, как будто этот кто-то знал, что внутри что-то есть. Мои глаза пытались приспособиться к крошечной тьме. К той тьме, с которой в городе невозможно встретиться. Но как бы вы не напрягались, ваши глаза будут бесполезны, особенно в такую безлунную ночь, как сейчас. Я, не отрывая взгляд от двери, пригнувшись, сунул руку в рюкзак и нащупал там старый дедовский охотничий нож. Я расстегнул ножны и вынул лезвие. Вторую руку я занял фонариком, включив тусклый свет. Я в напряжении смотрел, как этот холщовый ремешок готов был в любой момент слететь с погнувшегося гвоздя, который ходил в разные стороны, изгибался под рывками в тусклом свете фонарика.

Но вдруг все стихло. Этот кто-то за дверью перестал дергать ручку. Даже ветер стих. В маленьком заброшенном домике повисла жуткая тишина. Я слышал свое дыхание и бие-

ние сердца. Но как бы я не напрягался, я не слышал шагов за дверь. Я не слышал, как обувь сминает траву. Я, все также замерев, простоял с минуту у двери, крепко сжимая дедовский нож. Может, мне стоило забиться в угол этой хижины и, не смыкая глаз и не размыкая пальцев на ноже, следить за входом. Но я все же решил выйти, и узнать, что же это такое было. Я взял пальцами ремешок и осторожно снял его с гвоздя. Я все также держал нож наготове. Я держал этот ремешок и полностью контролировал дверь, когда открывал ее. Я посмотрел в одну сторону – никого. Затем, резко открыв дверь до конца, в другую. И там я заметил кое-что.

Мой фонарик позволял мне видеть очертания тропы, которая очень быстро терялась в темноте. Но там, куда она уходила, вдали, я заметил покачивающийся из стороны в сторону свет фонаря. Маленькая яркая точка была окружена синим холодным туманным свечением. Кто это был? Может такой же уставший путник, как и я, который так и не смог дойти до бирюзового озера? В каком-то, не свойственном для меня порыве, я решил догнать этот свет фонарика. Убедиться, что это простой путник? Не знаю. Я быстро натянул ботинки, и, даже не завязав их, рысью бросился следом. Я держал фонарик в руке и светил им влево и вправо, вылавливая по краям тропы жуткие колеблющиеся тени. Но адреналин, ударивший мне в голову, приглушал животный страх, я следовал по тропе за маячащим огоньком. Я его догонял. Природа вокруг тропы постепенно сдвигала свои руки, я иногда

задевал своей одеждой ветви деревьев, ночная роса перепрыгивала с травы на мои штанины. Я не заметил, как туристическая тропа сменилась звериной. Мне приходилось пригибаться от свисающих ветвей. А синий огонек все также качался из стороны в сторону, хоть и был гораздо ближе. Ветви деревьев бесцеремонно лезли в лицо, желая выколоть глаза. Воздух становился все более душным, тяжелым, мокрым. Я чувствовал запах гнилой древесины. Я вдруг осознал, что вокруг стало светлее. Я и не заметил, как начавшие появляться светлячки освещали своим желтым теплым сиянием уменьшившийся коридор тропы. В воздухе витала взвесь тяжелой воды, и ее капли причудливыми волнообразными узорами освещались рассеянным светом светлячков. Она была похожа на пыльцу тропических растений, но проходя сквозь нее, я ощущал влагу на своем лице.

Внезапно синий огонек впереди остановился, замер. Я замедлил шаг. Я будто слышал крылья светлячков, легкий шелест листвы, и тихое журчание ручья, там впереди, где застыл огонек. Я подошел ближе, и уже видел очертания фигуры, которая замерла, усевшись на камне, склонившись над ручьем. Я подходил ближе, и светлячков становилось все больше, а их свет все ярче. Они садились на свисающие ветви, на заросшие мхом камни. Но больше всего их было вокруг синего огонька. Я уже подошел достаточно близко, и видел, что это был человек с рюкзаком внушительных размеров. Он сидел, как мне казалось, измучено: с уставшей,

понишкой осанкой, бессильно опустив руку с флягой в бурлящий ручей, склонив голову вниз. Но как только я приблизился на расстояние трех шагов, он резко повернул голову. Я увидел его лицо. То, что я принял за налобный фонарик, оказалось многочисленными выпуклостями и трещинами на его лице, которые были заполнены и пронизаны какой-то светящейся, на вид липкой, синей субстанцией. Его одежда хоть и была формой похожа на обычную туристическую, но на деле она состояла из древесной коры, корней и ветвей, переплетенных между собой. Они сплетались, создавая крепкий природный доспех. А в расщелинах, где соединялись корни и кора, теперь ползали многочисленные светлячки. Их было настолько много, что существо светилось изнутри. Его рюкзак также был сплетен из коры и корней, и из карманов виднелись такие же ярко-голубые выпуклости. Они были будто связаны из толстой шерстяной нити. Похоже, его рюкзак был доверху набит этой загадочной голубой субстанцией.

Он раскрыл рот, мышцы его лица были натянутыми корнеподобными лентами. Свистящие и хрипящие высокие звуки сложились в слова.

– Гость моего дома. Ты принес мне плату?

Фраза звучала больше утвердительно, чем вопросительно.

– Ч-что? – только смог вымолвить я.

Он медленно снял массивный рюкзак со спины, затем провел рукой по нему сверху, касаясь сияющего голубого света.

– Души моих гостей. А теперь... Отдай мне свою плату.

Проведя рукой по рюкзаку, он протянул ее в мою сторону когтистой ладонью вверх, требуя положенное.

Мои ноги будто наполнились тяжестью всех грехов человечества. Вот, я стоял перед этим странным, пугающим существом, вытянувшим руку вперед. И что я должен был сделать? Поискать душу в своих карманах? Не сказать, что я своей душой слишком дорожил, или вообще в нее верил, но менять ее за ночь в разваливающемся домике мне не хотелось.

Я с трудом оторвал ногу от земли и сделал шаг назад. На секунду существо замерло, а затем издало протяжный, хрипящий, ржавый визг. И рвануло ко мне, целясь своей когтистой лапой в мою грудь. Адреналин хлынул мне в голову. Сжимая до белизны костяшек старый дедовский нож, я выкинул руку вперед и всадил нож существу в голову. Затем отпрыгнул назад, пытаясь вытащить нож из древесного черепа. Но он застрял там намертво. Дернув за нож, я рванул на себя существо. Оно потеряло равновесие и упало. А я, отпустив рукоять, бросился прочь, назад. Мельком взглянув за спину, я увидел, что существо не мертво. Оно, как ни в чем не бывало, поднималось на ноги с диким яростным визгом. Желтые светлячки будто в панике разлетались в стороны передо мной. Я защищал руками лицо, пригибался от веток, но они все равно, как плети хлестали мое лицо. И будто что-то еще замедляло мое движение, тянуло меня назад. Я

оглянулся и увидел, как из-под моей одежды, из-под воротника, бежит назад ярко голубая нить. Она накидывалась узлами на низкие ветви, терялась в густой высокой траве по краям звериной тропы. А ее конец уходил туда, где, пошатываясь, за мной шла затуманенная фигура существа. Я, не останавливая бег, дернул за нить, но она слишком крепко запуталась в окружающей растительности. Я бежал дальше, и из меня продолжала струиться нить, словно строку за строкой распуская невидимый свитер. И все же я не останавливался. Звериная тропа, узкий тоннель начал расступаться, а светлячки исчезать. Теперь мой путь вновь освещал тусклый свет фонарика. Он снова отбрасывал эти ехидные, смеющиеся тени. Но я на них уже не обращал внимания. Я слышал только шум крови в ушах, свое сорвавшееся дыхание и затихающий визг существа. И видел смазанную картинку извивающейся тропы. Я еще раз обернулся назад. И теперь за мной не было никакой нити. Я почувствовал, что этот невидимый свитер полностью расплелся, и ничто не замедляло моих движений. Хоть и ощущал себя теперь, будто лишился органа. Я так и продолжал бежать, судорожно освещая себе дорогу, пока не вернулся к разваливающемуся домику. Я пулей залетел внутрь. Но запираяться и оставаться там я не планировал. Я как попало запихал спальник, и все, что выложил ранее из рюкзака обратно, и быстрым шагом пошел дальше к озеру. Там, где были люди. Я бы бежал и дальше, но вес рюкзака не позволял этого. И каждую секунду я оглядывал-

ся назад, пытаюсь разглядеть покачивающийся синий огонек. Но его не было. Лишь скрип деревьев и зловещие тени по краям тропы, жадно смотрящие мне вслед.

Я потерял счет времени. Я просто шел вперед так быстро, как мог. И вот, наконец впереди показались огни костров. Так рад, как сейчас я не был никогда. Встав поближе к лагерю, я дрожащими руками поставил палатку. И не смотря на стресс, что испытал, я моментально уснул, как только оказался в спальнике, в застегнутой палатке, рядом с палатками других людей. Сквозь сон я пару раз слышал их смех, как шутят и веселится компания туристов. Я понимал, что этот сюрреалистичный сон позади, я в безопасности.

Я сделал еще один большой глоток из маленькой фарфоровой чашечки. Старуха, скептически подняв бровь, смотрела мне в глаза. И я, оторвавшись от чая, дополнил свой рассказ:

– Вот так я и лишился души. Как мне потом сказали, это был «дрековак», он и забрал. Так что тебе, к сожалению, уже ничего не достанется.